

ОХАНСКАЯ СТРОФОНА



*Еженедельная общественно-политическая
газета*

Оханского

информационно-издательского центра

Краевой конкурс

«Журналистская весна-2025»

номинация

«Мастер портретного жанра»

Журналист – Светлана Еловикова

г.Оханск

2025 год

В оргкомитет краевого
конкурса «Журналистская весна-2-25»

Информация об авторе

Еловикова Светлана Николаевна, 10.12.1948 года рождения, корреспондент газеты «Оханская сторона» Оханского информационно-издательского центра, стаж работы по данной специальности более 30 лет.

В газету пришла из большого рабочего коллектива Оханской швейной фабрики, где трудилась 25 лет: помощником мастера, бригадиром, старшим мастером. Много времени уделяла общественной работе. В то же время была активным работником районной газеты. Рассказывала о жизни фабрики и конкретно о делах своей родной бригады.

Окончила филологический факультет Пермского госуниверситета, затем факультет международных отношений университета марксизма-ленинизма. В 90-е годы, когда предприятие еле теплилось и приказывало «долго жить», меня пригласили в газету, для которой я была уже не новичком.

И все-таки не сразу все получалось. Училась у своих коллег, более опытных журналистов. С 2018 по 2024 годы выпустила три книги «На житейских перекрестках», «Если б не было войны» и «В стремительном потоке», куда вошли очерки, напечатанные в газете «Оханская сторона» в разные годы.

В 2004 году стала лауреатом всероссийского конкурса «Золотое перо России» в номинации «За журналистское мастерство» по итогам 2003 года, в 2019 году награждена Грамотой Союза журналистов России.

Лауреат литературной премии имени А.Фадеева союза писателей, лауреат всероссийских конкурсов: «Друзья с финансами», Пенсионного фонда России,

Обладательница Гран-при областного конкурса журналистов «Золотой абзац», неоднократный лауреат конкурсов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, лауреат и дипломант краевых конкурсов «Журналистская весна» в разных номинациях.

С.Н. Еловикова, член Союза журналистов России

Рабочий телефон: 8-34-279-3-26-17, мобильный: 8-950-474-41-81.

Сама себе судья

Вера Андреевна сравнивает себя сегодня не с оловянным солдатиком, а с неваляшкой: сколько бы ни старались её уронить, замазать в грязи и вырвать из неё жажду жизни, не получилось. Падала и тут же вставала.

Наше знакомство с Верой Андреевной не было случайным. Очень уж неординарным человеком она мне показалась. Несмотря на то, что никогда не видела её унывающей, в её глазах затаилась боль или печаль. Захотелось узнать о ней больше, и когда я однажды попросила поделиться пережитым, она подумала, а потом ответила: «Если я расскажу, не захотите меня знать, потому что вся моя жизнь — это борьба, борьба с собой, борьба с несправедливостью и, может быть, с тем укладом, что был в стране. Не думайте, я люблю Родину, огромную, многонациональную, готова хоть сейчас идти и защищать её, только не возьмут. Возраст у меня критический. Но почему Родина так незаслуженно обидела всю мою семью в четырёх поколениях?»

Блестящее будущее оборвала война

Дед и бабушка Веры Андреевны были из благородных. Правда, о них она знает мало, только то немного, что мать в приступе нежности иногда рассказывала. Дед, Сигизмунд Евсеевич, служил в посольстве Японии, был атташе. Бабушка, Муза Арсентьевна, родившаяся до революции — из дворянского рода. Она с детьми проживала в Ленинграде. Умерла, когда младшей дочке Софье было шесть лет. К девочке тут же приставили гувернантку. Мать оставила ей в наследство большую библиотеку, поэтому Софья очень любила читать, росла любознательной. И ещё ей нравилось танцевать, она изучила танцы многих народов мира. Прекрасно училась в школе, после её окончания поступила на юридический факультет.

Девушку ждало великолепное будущее. Но грянула война. Семнадцатилетняя Софья, как и многие её сверстники, побежала в военкомат. Отказали по возрасту. Недолго думая, она исправила в документе четвёрку на двойку. Таким образом, ей по паспорту стало уже 19 лет. Софья была очень худенькой, поэтому её зачислили в полк обслуживания города Ленинграда, где в основном были женщины и девушки. Выходили на дежурство парами, тушили фугаски, обходили квартиры, собирая детей, оставшихся без родных, доставали из подвалов трупы. Иногда трупы были настолько разложившимися, что от них



шла ужасная вонь, вызывающая рвотный рефлекс. Чтобы заглушить его, девчат заставляли курить, ведь респираторов не было.

Для Сониной ещё неокрепшей души было столько непонятных «открытий» в период блокады, что если бы такое ей рассказали в мирное время, ни за что бы не поверила.

Представьте себе мать с тремя детьми. Муж на фронте. Мать не может пойти на работу, потому что старшему из них всего седьмой год, а остальные и того меньше. Оставить их не с кем. А тут рождается ещё ребёнок, очень слабенький. Голод. Даже обои съедены, потому что вместо клея часто пользовались клейстером. Мать понимает, ей не выкормить малыша, он умрёт. Сама еле двигается, молока сразу не стало. И тогда она, чтобы сохранить жизнь старших ребят, пускает младенца на съедение. Конечно, об этом она не говорит детям, но они выжили, может быть, благодаря новорождённому братику. Какое же мужество надо иметь матери, чтобы так поступить? Не думаю, что людоедство процветало в блокаду, но в данном случае это была безвыходная ситуация.

Софья дивилась тому, как помогли вылавливать провокаторов и шпионов маленькие ленинградцы. Однажды мальчишка, выглядевший дистрофиком, увидел мужчину с ракетницей в руках и пошёл за ним. Тот поднялся на чердак и закрыл дверь изнутри. Понимая, что кричать бесполезно, мальчик громко замыкал, чем удивил мужчину, потому что всех кошек давно съели. Он открыл дверь и, увидев вместо кошки мальчишка, пнул его так, что ребёнок перелетел через лестницу и потерял сознание. Мужчина, будучи уверенным в том, что паренёк мёртв, пошёл искать другое место. Но

мальчишка запомнил его, очнувшись, дополз до штаба и сообщил о случившемся. Того провокатора, пускавшего зелёные ракеты для врага, арестовали.

Политическая статья

Война кончилась. Софья начала работать на заводе, а по вечерам продолжила учёбу в институте. Она была очень активной, поэтому её избрали комсоргом цеха. Но кому-то активность девушки пришлась не по нутру. Комсомольцы во главе с ней следили за качеством, не было жидких лодырям и прогульщикам. Но провокаторов после войны ещё хватало. Однажды, пока она мылась в душе, ей в авоську кто-то подложил мину. На проходной девушку задержали. Так как она была не одна, а с группой сверстников, судили всех по политической статье. Комсомольцы не смогли доказать свою невиновность и получили различные сроки. Соне дали десять лет и отправили на север.

Её отец очень переживал случившееся. Он любил дочь и тоже не верил, что она преступница. Когда Сигизмунду Евсеевичу предложили отказать от дочери, а в противном случае выложить на стол партбилет, он сказал, что единственное преступление, которое совершила Соня, как он считает — исправилась в паспорте дату своего рождения, чтобы бороться с врагом. Он предпочёл пожертвовать партбилетом, но не дочерью, которую не дождался из тюрьмы, умер раньше.

А Софья и в тюрьме носила вешала. Работала на лесозаготовках, как все, а потом готовила концерты с заключёнными. Её там и заметил майор внутренней службы. Она, не испытав ещё настоящей люб-

ви, потянулась к нему. Встречались тайно. Но, как оказалось, стены имеют уши. Когда её освободили по амнистии, майора за связь с заключённой по политической 58-й статье, уволили.

И поехали они искать счастья. Осели в одном из северных посёлков. Он стал егерем, целыми днями бродил по лесу. У них родились двойняшки, Аня и Миша. Правда, мальчик вскоре умер, а девочка осталась. Потом родился Вовка.

Муж погиб, случайно упав спиной на раскорчёванный пень и повредил позвоночник. Для Софьи это была настоящая трагедия. Она перебралась с детьми под Воркуту. Работала на железной дороге. Когда в посёлок приехал питерский мужик Андрей, она никому не дала шанса завладеть им. Её все женщины боялись. Во-первых, она — фронтовичка, во-вторых, бывшая зечка, зашибёт, с ней станется. Она боролась за любимого человека своими средствами, как могла. У них в семье родилась Вера, а позже и её младшая сестра.

Сам Андрей был очень музыкальным. Его приглашали на свадьбы, на разные вечера и праздники. Везде за игру подавали рюмочку — другую, а дальше всё шло без тормозов. Это его и сгубило. Он стал постоянно требовать деньги на спиртное. Если не удавалось заполучить, поднимал на жену руку. Терпеть Софья Сигизмундовна этого не захотела. Так и разошлись.

Первая любовь и первые разочарования

Дочь Софьи Сигизмундовны, Вера, с рождения здоровым не блистала. Она в три года толком не ходила, была очень слабенькой. Мать выходила её благодаря рождению младшей сестрёнки, кормила грудным молоком. И подняла ребёнка.

— Мать меня выходила, а воспитал, можно сказать, брат Вовка, — рассказывает Вера Андреевна. — Он был на восемь лет старше. Таскал везде за собой, научил материться, курить. Понятно, что положительной девочки-паиньки при таком воспитании из меня не получилось. Мне нравилось бегать с пацанами, играть в футбол и хоккей, лепить разные фигурки из пластилина и глины, рисовать. Я даже к местному художнику ходила учиться, жаль, он рано умер. Никакой профориентации у нас не было, поэтому я не знала, кем хочу быть. Нравилось многое.

Чем Вера могла гордиться, так это тем, что очень много читала и в детстве, и в юности. Читала запоем, даже отказывалась от еды. Потом у них в доме поселились практиканты из Тамбова. Девушка была ещё очень юной, но сердце затрепетало и потянулось к одному из поселившихся парней. Первая любовь.

В посёлке много было людей, освободившихся из мест заключения, не думавших о высоких материях, жили, кто как мог. А паренёк-практикант Вере казался принцем, совершенно не похожим на её окружение. Школа была в соседнем посёлке, до субботы она проживала в общежитии и с нетерпением ждала выходных. Гуляния под луной да поцелуи — вот и всё. Когда он уехал, казалось, весь мир рухнул. Как же девушка переживала, ей даже жить не хотелось.

А в том посёлке, где была школа, проживал местный авторитет. Его все боялись, и Вера — тоже. И надо было такому случиться, что он в неё, ещё девочку, влюбился. Проходу не давал, она бегала от него и никому не жаловалась. Однажды случилось непоправимое, он овладел ею и заставлял делать всё, что ему вздумается. Ей стыдно было поделиться своим позором, с кем бы то ни было, и она терпела все его прихоти.

Она понимала, в школе ей уже не место, хотя училась хорошо, благодаря прекрасной памяти. Пришлось уйти. Весь посёлок видел, что авторитет успокоился и нашёл себе подругу. Вера устроилась работать в столовую. Директор школы вызвала мать и всё ей рассказала. Та очень рассердилась и просто возненавидела свою дочь. А девушка по-своему любила мать, ничего не получая взамен.

— Однако когда брата Вовку посадили, а младшая сестра уехала учиться, маме пришлось жить со мной, я её и доходила, — с горечью вздыхает Вера Андреевна. — Всякое между нами случалось, она же была человеком властным, требовала, чтобы всё было так, как она хочет. Я тоже человек самолюбивый, мне не нравилось, когда мою свободу ограничивали. Ссорились. Она умерла в 52 года, была весом более сотни килограммов, но очень подвижная, так как прекрасно танцевала. После её смерти я нашла военные награды, документы. Оказывается, она получила ранение во время блокады, а ведь ничего не говорила.

Того парня-авторитета Вера всё равно боялась, хоть и продолжала с ним изредка встречаться. Ей казалось, если порвёт с ним отношения, парень её убьёт. С опаской ходила по улицам, стараясь не попадаться ему на глаза. Но всё когда-то кончается. Авторитет однажды выследил её, налетел сзади на пустынную улицу, повалил на землю и начал пинать, куда нога попадёт. Веру спасла счастливая случайность. Мимо шёл ЛЭПовец Антон, он и заступился за девушку, потом привёл её к врачу. Понятно, что избивание получило огласку. Вера потеряла тогда своего первого ребёнка, одно радовало — не будет у неё потомства от такого изверга. Но авторитета посадили всего на 1,5 года.

Первый срок

Антон, тем временем, тоже начал проявлять к спасённой им девушке знаки внимания, ухаживал, потом объяснился. Парень вёл линию ЛЭП через посёлок, был положительным во всех смыслах. Она его не любила, тем не менее, согласилась выйти за него, считая, что со временем сможет полюбить по-настоящему. Ей было всего 18 лет, а она уже столько испытаний прошла, поэтому мечтала о спокойной жизни.



— Не получилось у меня спокойной жизни, — вздыхает снова Вера Андреевна. — Очень скоро после женитьбы Антона призвали в армию. Потом в Афганистан отправили, а меня поставили на учёт по беременности. Уже из Афгана он написал мне, чтобы я жила у его родителей в Краснодаре.

Поехала туда. Родила сына. Свёкор оказался золотым человеком, он был рад внуку, закатил пир на весь мир, помогал мне во всём. А свекровь постоянно ставила «палки в колёса», не ко двору я ей пришлась. Я поняла, для неё своей никогда не стану, воспитание у меня не то. Забрала ребёнка и уехала обратно в свой посёлок работать на железной дороге. Яслей у нас не было, поэтому приходилось оставлять малыша одного. Прибегала к нему урывками, кормила и уходила снова. Когда ребёнку 1,5 года, он везде лезет, постоянно выгребал золу из печки, порой был похож на негрятёнка. Когда Антон возвратился из армии, во мне всё перевернулось, как ни крути, а он отец моего ребёнка.

И снова встал вопрос, жить им вместе или всё-таки расстаться. Вера выбрала второе. Но какое-то время они продолжали жить под одной крышей. Муж настаивал на возвращении в Краснодар, но она не хотела снова попадать под власть свекрови, поэтому тянула время.

Вера была человеком великодушным, бросалась на помощь любому, прав он или виноват. Однажды к ним в дом, который находился рядом с магазином, вошёл человек и сказал, что без очереди купил бутылку водки, «языком сцепился» с местными, и теперь они ему угрожают. Просил помочь от них скрыться. Вера выглянула в окно. Напротив, действительно, толпилось до десятка молодых парней. Они, видимо, ждали мужика, чтобы с ним расправиться.

Вера знала, за сараями — тупик, из которого можно выбраться на соседнюю улицу через лаз в заборе. Антон

ещё не пришёл с работы, поэтому, оставив сына одного, она повела мужика за сарай. Когда вышли к лазу, нежданный гость вдруг схватил женщину, пытаясь повалить её на землю. А она была не робкого десятка, да и силушка в ней водилась немалая. Так врзала ему под челюсть, что мужик опрокинулся навзничь. В ней ярость пробудилась, она пинала его, куда попало. Вспомнила при этом своего ухажёра-изверга, в этот момент ничего не понимала, как сейчас говорят, была в состоянии аффекта.

Очнувшись, когда мужик уже не стонал и не шевелился. Сама прибежала в поселковую больницу и просила помочь. Через три дня мужчина умер. Женщине дали год тюрьмы за то, что она отставала свою честь. Как потом объяснили, не по той квалификации судили.

Пока она находилась в тюрьме, Антон забрал сына и уехал с ним в Краснодар, к родителям. Их развели заочно. Срок Вера не отсидела, попала под амнистию. Это было, кстати, так как она была снова на последнем месяце беременности.

Очень скучала по сыну, хотелось хоть одним глазком взглянуть на него. Решилась в таком положении на поездку в Краснодар. Добралась, но свекровь её даже на порог не пустила, больше никого дома не было. Униженная таким приёмом женщина пошла в парк, села на скамейку, и перед глазами всё поплыло. Обмороч. Добрые люди вызвали скорую помощь, которая доставила её в роддом.

Родилась Надя. Чтобы не сидеть, сложа руки, Вера стала работать санитаркой в больнице, ведь средств к существованию никаких, а надо было возвращаться к себе. Прочитала в газете, что в одном из северных районов требуются рабочие руки и предоставляется жильё. Для детей есть ясли и детский сад. Она поняла, сына ей не отдадут, надо хоть дочку вырастить.

Преступление

В новом посёлке всё шло неплохо. Вера работала. Она была стройная, с копной русых волос, в то же время очень жилистая. На неё и там мужики заглядывались. В своём доме без мужских рук трудно, поэтому отдала она предпочтение одному весёлому украинцу, отец которого в войну служил бандеровцам, и был за это осуждён. Но о войне вспоминать не хотелось, жизнь брала своё.

Зарегистрировались. Всё бы ничего, но в состоянии опьянения новый муж становился неуправляемым, глаза его наливались кровью. Более того, ему надо было в этот момент «кулаки свои почесать». Он их испытывал на жене, избивал её до полусмерти, правда, лицо не трогал, зато тело её было всё в подтёках. Она терпела-терпела, и однажды не выдержала у неё нервы. Схватила топор и ударила обухом дебошира по голове. Рана получилась приличная. Сама же вызвала врача. Муж дал слово

больше не пить, когда вышел из больницы.

Вера успокоилась, но как только муж снова пошёл работать, про данное им слово забыл. А жена, завидя его злые глаза, старалась уйти от расправы. Она боялась за себя, за дочку, но больше всего за не родившегося ещё ребёнка. Она чувствовала, что в ней опять зародилась новая жизнь.

Во время очередной пьянки мужа, она не успела никуда уйти, и он начал наступать на неё, сжимая кулаки. Она выскочила в сени, схватила тот же самый топор, который уже проходил по голове мужа, и, не глядя, ударила им раз, другой, третий. Удары пришлись уже не обухом, а остриём. Вера испуганно наносила удары один за другим, ничего не соображая. Кровь хлестала во все стороны. Это как надо довести женщину, чтобы она совершила такое? Да, преступление, Вера это понимала. Когда пришла в себя, сама же вызвала милицию.

— У меня наступило полное опустошение, — делится Вера Андреевна. — Почему именно со мной произошло такое? Сына забрали, сейчас и Надю отправят в приют, как сироту, а я ношу под сердцем ещё одного ребёнка. Я чувствовала всю безысходность ситуации. Присудили мне девять лет тюрьмы за убийство. Никакие положительные характеристики не помогли. В зоне у меня родился сын. Какое-то время он был со мной. Я несла свой крест, как могла, старалась не попадать ни в какие истории, чтобы заслужить право выйти хотя бы на поселение. И вдруг до меня дошла весть, что нет больше моей Надюшки, она поизбла от рук злой бабы, которая была её скрученным шнуром за непослушание. И снова для меня мир рухнул. Я за одну ночь стала седой. Ничего не хотелось. И даже к сыну охладела. А он был в тяжёлом состоянии, у него отказали почки. Это у такого-то маленького? Мальчишка слабымким родился, как и я когда-то, долго не ходил. К тому же, одна почка оказалась отбитой, неживой. Выходит, это муж сделал, когда пинал меня в живот, чуть не уробив собственного сына. Я понимала, что я — убийца, у меня на свете теперь только сын, да и тот полуинвалид. Но когда впервые увидела, как он ко мне бежит, переваливаясь,

протягивая ручки, не передать, что в моей душе творилось. Это мой сын, только мой и ничей больше!

Место жительства — Оханский район

Вера неплохо рисовала, поэтому оформляла в тюрьме всё, что было нужно, зарабатывала, как могла, чтобы ребёнку в детдом что-то отправить. Передавала всё через вольнонаёмных. Мечтала о поселении, но её не отпускали. Она была нужна в тюрьме, как художник-оформитель.

И всё-таки счастье улыбнулось женщине, когда её перевели в другой отряд. Тюрьма готовилась к смуте, ждали высокопоставленных чиновников. И старшая надзирательница выдвинула условие: если Вера сможет привести в порядок территорию отряда, чтобы он попал хотя бы в тройку или пятёрку лучших, то вопрос о переводе на поселение можно будет решить. Вера сумела подготовить людей. Перед смотром вместе с ней все красивые столы, писали плакаты — готовились серьёзно. В результате — первое место!

— Перевели меня на поселение, — вспоминает Вера Андреевна. — Работала на ферме. Навела там порядок, привесы давала большие. Была у меня мечта — съездить в детдом и самой сынишку в первый класс отвести. Очень надеялась, но мечта оказалась призрачной. Меня не отпустили. Помню, тогда я сорвалась, но мне это простили.

После освобождения Вера съездила за сыном, и местом её жительства стала одна из деревень Оханского района. Привычной была работа на ферме, пока она не развалилась.

С коллегами и соседями почти не разговаривала, жила сама по себе, от одиночества пустилась во все тяжкие — пить начала. В течение пяти лет надрывала печень, и она не выдержала. Женщина стала не похожей на себя, боялась в зеркало взглянуть, распухла, покрылась пузырями... Сын рос рядом, но тоже сам по себе. После окончания основной школы поступил в Большесосновское ПУ.

И в это время ей вдруг предложили работу в сельской библиотеке. Вера Андреевна была благодарна человеку, который увидел в ней потенциал, но сомневалась, утверждал ли её с такой биографией.

— Я с того времени очень

спешила жить за потерянные годы, — признаётся Вера Андреевна. — Рисовала стенные газеты, выезжала с группой активистов в многодетные семьи, участвовала везде, где могла пригодиться. И, видимо, надорвалась, устала. Ничего не хочется. Ничего не надо.

Тихое счастье

Пришло и к Вере Андреевне тихое счастье. Однажды встретила Георгия, у которого руки растут отсюда, откуда положено, сама к нему пришла и никому не отдала. Когда-то её мать так же поступила — яблочко от яблони недалеко падает. Всякое случается в семейной жизни. Бывало, поссорятся, выгонит его, а он всегда обратно возвращался. Тридцать лет они вместе, им теперь сам чёрт не брат.

— Оглядываюсь на своё прошлое и удивляюсь, как я могла столько всего выдержать. Видимо, хорошее воспитание получила от брата. Пусть жёсткое, но справедливое. Выходит, крепкая моя порода. Родных у меня не осталось. Одна из всей семьи, да и моя жизнь к закату клонится. О своём никчёмном прошлом особо не распространяюсь. Всё, что я сделала, не поправить. Я встала на защиту своей чести, потому что ни милиция, ни общественность пальцем не пошевелили, чтобы за меня вступиться, только наблюдали со стороны и ждали исхода. С высоты сегодняшнего дня считаю — поступила правильно, пусть не лезут. Для меня всегда детский клич: «Наших бьют!» был правилом жизни. Знаю, во мне много доброго заложено: могла стать профессиональной спортсменкой по стрельбе или хоккею, может, и актрисой, при благоприятных условиях получила бы хорошее образование, у меня была бы куча детей. Теперь старость рядом ходит. Правда, я её к себе не впускаю. Внешне хоть и выгляжу неважно, седую голову никакой краской не закрасишь, но внутри чувствую силу. Много читаю и перечитываю, не только книги, но и журналы всякие, телевизор по вечерам смотрю с мужем, хозяйством занимаемся. Что нам ещё надо? Из деревни выезжаем редко. В соседях живут бабушки, помогаем им, чем можем. О своей судьбе им не рассказываю. Зачем? Чтобы судили до рядилки? Я сама себе судья. Есть официальная бумага, что обвинения с меня сняты. Жалости по отношению к себе не принимаю, слишком многое в жизни познала, чтобы тратить время на слёзы и сопли. Сравниваю себя не с оловянным солдатиком, а с неваляшкой: сколько бы ни старались меня уронить, замазать в грязи и вырвать из меня жажду жизни, не получилось. Падала и тут же вставала.

Сегодня Вера Андреевна живёт тихо, ничем не выделяясь из круга других пенсионеров деревни. И рада бы, как прежде, что-то сделать неординарное, да здоровье не позволяет.

Светлана Еловицова





Предал генерал, расплачивались рядовые

В котле

В 90-х годах прошлого века в Оханском районе было ещё много участников Великой Отечественной войны. Однажды мне поручили сходить к одному из фронтовиков, предупредив, что он вряд ли захочет вспоминать о войне, очень уж непростая судьба ему выпала.

Подхожу к дому, две женщины снег убирают. Спрашиваю, здесь ли живёт участник Великой Отечественной войны по фамилии Катаев. И вдруг одна из женщин закрывает лицо руками, а плечи её начинают трястись. Я подумала, что она либо сама воевала, либо попала сюда, как эвакуированная из западной области, а возможно, мужа недавно похоронила. В военкомате мне говорили, что Катаев служил во второй ударной армии Власова, чьи амбиции привели к гибели тысяч людей.

Когда женщина успокоилась и вытерла слёзы, жестом пригласила в дом. Возле русской печи сидел седобородый человек и курил трубку.

► — Отец, — обратилась она к нему, — К тебе корреспондент пришёл, побеседовать желает.

► — Вот уж сказка прямо, ко мне и корреспондент! — Он смешно развёл в стороны руки.

► — А что, не достоин что ли? Вон про других пишут, как воевали, как в плену сидели, а тебя, как прокажённого, все обходят. В чём твоя вина? Вот и обскажи, как на духу, за это не посадят.

► — Корреспондент — не духовник, а я не в церкви, чтобы каяться, — огрызнулся хозяин.

Было понятно, в судьбе этого человека наворочено столько, что не сразу разберёшься, кто прав, а кто виноват. Однако отступить было поздно. Мы сели за широкий стол, и первой разговор начала жена фронтовика, Клавдия Алексеевна.

► — Мы в Оханске живём с 1939 года, я-то детдомовская, а муж здешний. Он в Карелии отслужил срочную, со мной познакомился и остался. Когда началась война с финнами, нам предложили убираться восвояси, если хотим остаться в живых. Вот мы и перебрались сюда. Слава — младший в семье, а старшие сёстры к тому времени уже разъехались. С той поры в этом доме и живём. Вначале вместе с его родителями, пока они не умерли, сейчас одни остались, — Клавдия Алексеевна задумалась, вытерла слёзы. — От одной войны убежали, так другая настигла.

Ни в первую, ни во вторую волну мобилизации 1941 года Вячеслав Ефремович Катаев не попал. Он работал тогда шофёром в Половинском колхозе. В начале августа жена вместе с детьми уехала на недельку к его сестре в Пономари. Когда вернулась, дома обнаружила записку: «Клава, меня мобилизовали вместе с машиной. Еду на войну, напишу с дороги. Береги детей. С родителями простился, а вот с вами не получилось. Прости, если что не так. Твой Слава».

И осталась Клавдия Алексеевна одна с двумя малыми ребятами на руках и старенькими больными родителями мужа. Впряглась и, как ломавая лошадь, утром бежала на работу на кирпичный завод, в обед успевала сбежать домой, накормить всех и снова на работу. Вечером допоздна копалась в огороде. С детьми сидела свекровь, она сколько-то двигалась, а свёкор, тот сразу после гражданской войны обезножел и передвигался на какой-то каталке, сделанной своими руками. Ногами и руками в доме была невестка.

Приходило до десятка писем от мужа, одно — с дороги, другое — из-под Ленинграда, а третье с местечка, где стояла их часть. Последним было совсем крохотное письмецо, где муж писал, что, наверное, с войны не вернётся. И всё. Тишина. Прошёл год, прошёл второй. От мужа ни слуху, ни духу. Но и похоронки тоже нет. Клавдия хорошо помнила, что муж был пулемётчиком в той армии, которой командовал генерал Власов. А тут вдруг по радио известие, что советский генерал перешёл на сторону врага и сдал свою армию. Для неё все дни слились в один, но очень длинный, в котором не было радости.

Она не хотела верить, что её муж может стрелять в своих, он не был коммунистом, но любил свою землю и не мог предать.

► — Клавдия, дай я сам за себя скажу, — негромко попросил Вячеслав Ефремович. — В общем, попали мы с этим генералом, как куры в оцеп. В Мясном бору почва болотистая, комаров полно, а мы в котле оказались. У нас ни еды, ни боеприпасов. Наша ударная армия несла огромные потери и вела тяжёлые бои. Был небольшой коридор-горловина, но и он вскоре хлопнулся. После неудавшейся попытки очередного прорыва Власов отдал приказ спастись, кто как может. Разбиваться на маленькие группы и пытаться выйти из окружения.

Вячеслав Ефремович вместе с двумя сибиряками, Петром и

Глебом, несколько дней искали брешь, где можно проскочить. Голодные, в лохмотьях, они и на людей не походили. Когда в одном месте загорелся торф, они бегом под прикрытием дыма из последних сил отбежали на приличное расстояние, где была твёрдая почва. Им удалось вырваться как из пожара, так и из-под огня противника, но первый же советский офицер, попавшийся им на пути, назвал их предателями и сдал представителю особого отдела. Их уже там начали бить, поскольку они были из армии Власова. Спрашивали, сколько в армии осталось людей, кто ими командует после предательства генерала, почему бежали с места боя и так далее. Что могли ответить простые солдаты, которых ветром шатало от голода. Повезли всех троих на заседание трибунала, а оттуда на десять лет лагерей без права переписки. Причём с ними было несколько десятков таких же бедолаг, вышедших из огня.

► — Относились к нам в тюрьме по-свински, — продолжил фронтовик. — Да лучше бы я утоп в том болоте, чтобы семья знала — погиб и всё тут. Жив оказался, а весточку домой не подашь. Для окружающих мы были наподобие красной тряпки для быка — предатели, власовцы. Пётр первым не выдержал, повесился прямо перед бараком на верёвке от волокуши. Я тогда за одну ночь посидел.

За колючей проволокой

Вячеслав Ефремович не помнит, сколько раз он был на пороге смерти, его пытались утопить в море, его загоняли под груды камней, били ногами. И это те, кто и пороха не нюхал, воры-рецидивисты, убийцы, истязатели. И часто, лёжа на нарах без сна, солдат думал, за что ему выпал такой крест, чем он виноват перед Родиной, за которую больше года воевал, а она его не защитила, более того, назвала предателем, коим он никогда не был.

Катаев по своей конституции был довольно худосочным, поэтому лагерное начальство перевело его в рыбацкую артель, где всё-таки заключённые пытались наладить человеческие отношения между собой, да и подкормиться могли. По большей части туда попали осуждённые по политическим статьям. Вначале новенького сторонились, однако он был благодарен, что ни о чём не спрашивают. А сам он никому не навязывался.

По прошествии определённого времени, когда артель однажды вышла в море и жда-

ла подхода катера, старшой попросил рассказать Катаева о том, что он знает про предательство Власова и его армии.

► — Я рассказывал с пятого на десятое, волновался очень. Сказал о том, что тысячи наших воинов навсегда остались в болотах Мясного бора, не меньше попали в плен, а часть оказалась в новой армии Власова — РОА, — чувствовалось волнение солдата и после нескольких десятков лет пережитого. Вячеслав Ефремович не мог зажечь трубку. Руки его тряслись, голос дрожал. Товарищи ему тогда поверили. А как не поверить, если на нём живого места не было, всё в рубцах и ссадинах, которые не хотели заживать.

После этого объяснения Катаев видел, как переменялось к нему отношение рыбаков. На острове жил священник. Он несколько раз подходил к Катаеву с предложением окреститься. Но солдат держался крепко, воспитание не позволяло ему надеть крест, ведь учился он в советской школе. Зато маленькая поповская дочка постоянно заигрывала с Катаевым, ей нравился этот молчаливый и седобородый мужичок. Она, когда видела, как он сидит на лавочке перед бараком, забиралась к нему на колени и что-то напевала. А он вспоминал своих детей и мысленно летел к ним.

В конце 1952 года Вячеслав Ефремович освободился. Ехал домой с замирием сердца. А вдруг жена, не зная ничего о судьбе мужа, нашла себе другого? В подкладке его фуфайки были адреса тех, к кому надо было заехать и передать приветы. Почти месяц добирался до дому, заезжал в Канда拉克шу, Мурманск, Саратов, Красноярск, Томск и другие города. Он понимал, насколько важно сказать, что их родные живы, что надо ждать. Не все ждали честно, попробуй 20-25 лет не свихнуться в одиночестве.

Свобода

Седьмого января 1953 года Катаев перешагнул порог своего дома. Семья сидела за столом. Не видно было только отца.

► — Я вернулся, — сказал он с порога. — Здравствуйте!

Первой опомнилась Клавдия, она подбежала к мужу, повисла на его руках, заплакала по-бабьи тоненько. Мать уже видела плохо, поэтому и не сразу поняла, кто вошёл. А мальчишки сразу залезли на печь и оттуда наблюдали, что будет дальше.

► — Ребятки, это же папка ваш вернулся, — обратилась она к сыновьям.

► — А он чё, в плену был? — спросил маленький.

► — А может он предатель, а ты, мамка, его обнимаешь, — поддакнул старший.

► — А ну, цыть, — обрела, наконец, голос старенькая мать. — Никогда Катаевы не были предателями, напраслину на него навели.

► — У тебя даже медалей нет, вон у Колькиного отца сколько наград, — снова подал голос младший.

► — Главная моя награда — что я живой, — откликнулся отец.

Нельзя сказать, что его никто не беспокоил. Время от времени заходили люди из органов, а то и вызывали куда-нибудь по повестке. Михаил Ефремович дружбу ни с кем не водил, о войне запретил дома разговаривать. В дни полочки покупал чётушку водки, запирался в сарае или в бане, и пел, а то и плакал навзрыд. Куда-то писал письма и ждал ответа.

Клавдии Алексеевне и матери своей он, конечно, всё рассказывал. С сыновьями было труднее, они были в том возрасте, когда мальчишеский максимализм брал верх. Если в тюрьме сидел, значит, преступник, раз генерал армию сдал, значит, и ты предатель. И всё же женщинам удалось повернуть сознание мальчишек в другую сторону. Не сразу, постепенно, научились они понимать отца и жалеть.

Вячеслав Ефремович хранил под клеёнкой на старом комодике письмо, в котором чёрным по белому было написано, что он полностью реабилитирован и восстановлен в правах.

► — Если бы это письмо пришло лет на 25 раньше, не парился бы я на подсобных работах. А то ведь машину не давали, высокооплачиваемую работу не предлагали, а заикнись, тут же намекали, мол, не забывай, где был, то есть, каждый сверчок знай свой шесток, — над бровями показались горькие складки. — Всю жизнь мне испортил Власов. Знаете, как обидно слышать за спиной: «Это власовец идёт, он наших предавал...». Как оказалось, я не один из этой армии здесь. Даже интеллигенция есть из числа бывших власовцев.

До конца дней нёс солдат непосильную ношу чужой вины. В конце 90-х ему вручили орден Отечественной войны и юбилейные медали, которые, по словам фронтовика, душу не греют, а лишний раз напоминают о самых никчёмных днях его жизни.

Давно нет Катаева, он и умер перед телевизором в 1998 году, когда смотрел документальный фильм о генерале Власове. Только и успел сказать: «Ты, сволочь, столько людей сгубил, нет тебе прощения ни на этом, ни на том свете».

Светлана Еловицова,
фото из архива автора

Баба Шура

«Бабий Яр» - о нём написаны книги, поставлен фильм. Более 150 тысяч человек там были расстреляны, большая часть из них – евреи. Теперь уже не осталось живых свидетелей тех дней, но «Бабий Яр» живёт в памяти потомков тех, кого расстреляли на окраине Киева осенью 1941 года.

Лицо в «овражках»

Ярослава с рождения жила с бабушкой в деревне, а родители - в городе. Они работали, а по выходным приезжали с сумками, полными продуктов, чтобы на неделю хватило.

– Да куда ж вы столько возите? – сокрушалась бабушка. – Нечто мы обжоры какие?

– Мама, мы считаем, что ты не должна ни в чём нуждаться, – говорил ей папа. – Отъедайся за все военные годы, когда тебе приходилось голодать. Что не съедите сами, соседок угостите, им тоже несладко пришлось.

Ярослава больше всего ждала, когда мама напоследок откроет волшебную сумочку, где всегда были сладости для неё. Бабушка обычно не давала всё съесть сразу, а убирала от неё подальше, чтобы «заворот кишок» не получился.

В доме бабушки, в отдельной комнатке жила ещё одна старушка. Она не приходилась родственницей никому, но, сколько девочка помнит себя, столько и эту бабушку. Баба Шура говорила мало и редко, её лицо было будто в овражках, а по цвету серым, к тому же – всегда угрюмым. Бабушка редко оставляла Ярославу с ней. Но иногда, уходя ненадолго в магазин или библиотеку, просила бабу Шуру приглядеть за внучкой. Девочке обычно в угол забивалась, ей казалась, баба Яга пришла.

– Славочка моя, ты не бойся бабу Шуру. Знаешь, какая добрая у неё душа, просто внутри всё выгорело от горя.

– Бабушка, а как она тогда живёт, если внутри ничего уже нет? Она что, волшебница?

– Ну, можно и так сказать. Когда будешь постарше, я тебе расскажу, а сейчас ты не поймёшь. Баба Шура ведь никого не обижает, она только сейчас с нами увидела спокойную жизнь, не обижай её.

Так и жили втроём. С каждым днём баба Шура становилась всё неразговорчивей. Она часто на рассвете выходила во двор и долго стояла, глядя в ту сторону, откуда должно появиться солнце. Потом кланялась ему и заходила в дом. Девочка однажды спросила, зачем она это делает. На что баба Шура только усмехнулась и даже не раздевшись, проковыляла в свою комнату.

Когда Ярослава пошла школу, её увезли в город, но всякий раз, если родители ехали к бабушке, она просилась с ними. Скучала по бабушке и, как ни странно, даже по бабе Шуре.

Однажды, во время зимних каникул, девочка осталась в доме одна. Обе старушки отправились к машине с флюорографом, приехавшей в деревню. Ярослава решила обследовать комнатку бабы Шуры. Кроме кровати, небольшого стола, старого шкафа для одежды, да венского стула, другой мебели не было. На подушке лежала изрядно потрепанная книга с пожелтевшими страницами, которая называлась «Бабий яр». И запало в душу девочке название книги. Она потом обращалась и в школьную, и городскую библиотеку, но такого издания в то время там не оказалось. Постепенно она о нём забыла.

Прошло несколько лет. Ярослава училась уже в восьмом классе, когда позвонила бабушка и сообщила, что не стало бабы Шуры. На похоронах было людей немного, её мало, кто знал, она никуда не ходила, дружбу ни с кем не водила, а если разговаривала, то только с бабушкой. Вечером бабушка и поведала внучке тайну бабы Шуры.

– Знаешь, внученька, баба Шура спасла мне жизнь, и я не могла оставаться равнодушной к её судьбе, когда нашла её, уже будучи взрослой, в доме инвалидов под Киевом.

Тайна

Баба Шура родом из большой еврейской семьи, проживавшей в Киеве. Когда началась война, эвакуироваться не успели, очень уж быстро фашисты пришли в город. В первые дни оккупации города нацистские власти отдали приказ о том, чтобы еврейское население к восьми часам утра явилось в назначенную точку сбора с документами и ценными вещами. За невыполнение приказа полагался расстрел. Люди пришли, большинство из них составляли женщины, дети и старики (взрослое мужское население было призвано в армию). Кроме евреев были представители других национальностей из интернациональных семей.

20-летней Александре Шурберт тоже предстояло явиться



в пункт сбора, но ещё накануне она ушла на несколько дней к подружке, с которой вместе училась в педагогическом институте. Черноглазая, с тёмно-русскими вьющимися волосами, высокая и статная, Александра притягивала взоры прохожих. Мимо такой красавицы мужчины не проходили, заглядывались. Когда вернулась, в квартире никого не было, от старика, что сидел во дворе, узнала о приказе явиться на пункт сбора.

У неё жизнь только начиналась. Александра не хотела никуда идти, да и не очень она походила на еврейку, отец её был из поморов, его арестовали в 1939 году, с тех пор о нём не было в семье никаких известий. На другой день во время обстрела прямо на улице погибли соседи, не добежав несколько шагов до дома. Она пригрела троих малолетних сирот, ещё не зная, что её родные в первый же день сами ушли на пункт сбора, как послушные овечки на закланье.

Немцы и их приспешники рыскали по домам, выискивая евреев. Всякий раз Александра с ребятами успевала спрятаться. Но однажды она, оставив детей одних, пошла на рынок, чтобы обменять вещи на хлеб. Вернувшись, не нашла детей. Ей сказали, что полицаи их увезли на мотоцикле. Александра направилась прямо к пропускному пункту и у одного из дежуривших полицеев спросила, не привозили ли в этот день троих детей. Он оценивающе поглядел на неё и спросил, что будет иметь, если скажет. Она отдала ему золотые серёжки, больше ничего не было.

Полицай повёл её за огромный овраг, где всё было оцеплено, в нескольких шагах друг от друга сидели пулемётчики. Отойдя на почтительное расстояние, чтобы не попасть на глаза тем, кто стоял в оцеплении, они из-за травы смотрели, как на край обрыва палками загоняли раздетых людей, а пулемётчики своё дело знали. Александра поняла – такая же участь ждёт всех, кто пришёл на эту «кухню».

Девушка не знала, что предпринять. А полицай понимал, что она из евреев и хотел получить награду за её поимку. Под страхом смерти тащил её обратно на пропускной пункт. Спасли девушку танки, что двигались по улице. Александра сумела проскочить между ними и скрыться за зданием. Полицай просто не ожидал

от красавицы такой прыти и не успел вовремя среагировать.

Вернувшись домой, она упала на кровать и завывала, как раненая волчица. Это продолжалось в течение нескольких часов. Ей было всё равно, придут за ней или нет, для неё жизнь была окончена. И вдруг ей показалось, что кто-то скребётся в печи, и защёлка на дверце как-то странно дёргается.

Она встала, открыла дверцу, и оттуда выпал чёрный от сажи ребёнок. Ударившись об пол, сразу заплакал во весь голос. Александра от неожиданности была в ступоре. Она узнала Катю, одну из соседских детей, которых пригрела. Но кто запрятал девочку в печь? Скорей всего, её шестилетний брат, который хотел спасти сестрёнку. Теперь она понимала, что в ответе за эту полуторагодовую девчушку. Девочка хоть и не была еврейкой, но её надо было спасать. Александра отмыла ребёнка, выстригла девочке волосы. Перебралась в полуразрушенный домик на окраине города, где хозяева покинули жильё. Несколько месяцев они жили спокойно. Но потом и к ним начали время от времени наведываться полицаи для порядка. Девушка старалась выглядеть как можно старше, носила тёмный платок, спрятав под ним свои шикарные волосы, старушечью кофту с вытянутыми рукавами и юбку до пола.

Клаус

Когда в очередной раз в дом пришли полицаи и пригласили явиться в управу, чтобы встать на учёт, женщина поняла – увезут в Германию, об этом она слышала. Вместе с полицаями был довольно молодой немецкий офицер. Он «положил глаз» на женщину, которая явно скрывала свою красоту и старалась казаться старше своих лет. Поэтому не отказал себе в удовольствии неожиданно навестить её вечером. Александра мыла ребёнка, была в простом сарафане, а волосы собирала в пучок. Она была красива. Немец, извинившись за вторжение, сразу представился Клаусом. Русский язык он знал, так как за несколько лет до войны окончил один из вузов города Ленинграда и получил профессию психолога.

В отличие от полицеев и немецких чинов, Клаус держался пристойно. Он принёс продукты, понимая, что в доме ничего съестного, скорей всего, нет.

Угостил девочку шоколадом. Пока пили чай, рассказал немного о себе. Не скрыл, что имеет далеко идущие планы в отношении женитьбы на Александре. Готов удочерить девочку.

Александра решила использовать это в своих интересах. Она спросила, имеет ли Клаус возможность увезти её вместе с Катей подальше от Киева вглубь страны. Офицер долго доказывал ей, что лучше будет, если он отправит их к своим родным в Баварию. Но Александра была непреклонной, ссылаясь на незнание немецкого языка и родственников, которые, якобы, их ждут в Воронежской области. Она пообещала просто оставить Катю и вернуться обратно. Девочка из-за перенесённого стресса вообще не разговаривала, хотя прошло более полугода, как они находились вместе.



С первой же оказией Клаус, снабдив Александру нужными документами, отправил её с Катей под присмотром денщика на поезде в восточном направлении. Поставил условие: она ребёнка оставит родственникам и вместе с денщиком вернётся обратно. Тем более что она сама это обещала.

Часа через два пути поезд неожиданно остановился. Партизаны разобрали рельсы. Пока ждали ремонтную бригаду, пока пути ремонтировали, денщик ни на минуту не выходил из купе. Он понимал, что девушка может сбежать, а Клаус обещал ему, когда они вернутся, отдать свой мотоцикл.

Когда работы были закончены, к ним в купе заглянул проводник и попросил денщика помочь поднять в тамбур несколько ящиков. Александра воспользовалась моментом. Схватив девочку, заскочила в соседний вагон и выпрыгнула на землю с другой стороны состава, паровоз уже дал гудок. Сразу же бросилась в колючие кусты, которые ещё оставались у насыпи. Очень боялась, что начнёт плакать девочка. Они лежали на застывшей земле до тех пор, пока поезд не ушёл. Вокруг всё было спокойно, и Александра медленно подняла голову.

Спасение Кати

Девушка встала, увидев вдали очертание какого-то строения, направилась к нему. Взойдя на пригорок, увидела, что это селение Константиновка, о чём прочитала на табличке возле крайней избы. Она постучала в окно покосившейся от времени хаты. Дверь открыла старушка и впустила незваных гостей в дом. Согревшись от горячего чая и варёной картошки, Александра рассказала хозяйке о своих злоключениях. На другой день в дом пришёл полицай, оказавшийся сыном старушки, его звали Семёном. Он посмотрел документы, и на просьбу старушки помочь пристроить ребёнка, сказал, что обещать ничего не может, но попробует что-нибудь прояснить. Внутренним чутьём девушка поняла, что не зря он работает полицаем, видимо, так надо.

Через день через деревню шли немецкие части, одна из них осталась на ночлег. Немцы заходили в хаты, как к себе домой. Пришлось прятаться в подполе, пока фашисты пили, пели, а потом заснули, кто где. Прошла неделя. Рано утром снова приехал сын старушки и сказал, что ночью ожидается самолёт, есть возможность отправить Катю в тыл вместе с ранеными партизанами. Александра вшила в одежду девочки картонку, на иней указала её данные, которые знала, и добавила свои, на всякий случай. Она прекрасно понимала, она больше с девочкой Катей никогда не встретятся.

Расплата

Шёл конец 1942 года, немцы рвались к Сталинграду. Через Константиновку шли и шли лавиной немецкие части. Партизаны не давали им покоя. Однажды всех жителей деревни согнали к разрушенной церкви, где стояли две виселицы.

Какой-то немецкий чин с огромным животом что-то «пролаял» на своём языке, и каково же было удивление Александры, когда переводчиком оказался тот самый Клаус, знакомый по Киеву, от его денщика она сбежала. Клаус внимательно оглядел негустую толпу и сказал, что теперь гарнизон будет постоянно «охранять покой мирных граждан». В этот день на виселице оказались два железнодорожника, которые, якобы, подрывали немецкие поезда с техникой.

Сын хозяйки, полицай Семён, сообщил о постановке на учёт всех жителей деревни. Предупредил, что Александру записал, как свою жену. Фамилия у неё теперь Коваленко. За те пару месяцев, что Александра жила у его матери, он успел влюбиться в девушку и очень переживал за её судьбу.

Клаус оказался не так прост, денщик, вернувшись в Киев, сказал ему, где потерял женщину с ребёнком. Константиновка была ближайшим селением. Переводчик Клаус остался в деревне. Его часто можно было видеть прогуливающимся возле пруда. На жительство он устроился в доме старосты

вместе с толстопузым офицером. Клаус разговаривал с местным населением, интересовался молодыми женщинами и девушками. Не прочь был пройтись по хатам просто так, для интереса.

И прошёлся. Хозяйка, Семён и Александра трапезничали. Услышав звук шагов в сенцах, Семён вскочил и с оружием подскочил к двери. Александра успела нырнуть за печь. Клаус поздоровался и, отодвинув полицая, прошёл к столу. Спросил, кто ещё живёт в доме. Наверняка заметил, что на столе стояли три кружки, но ничего не сказал. Поговорил с Семёном насчёт облавы на партизан и вышел.

В другой раз Клаус снова пришёл один, внимательно оглядел дом, похвалил Семёна за хорошую службу, спросил, где его жена и ребёнок, которые не так давно вернулись. Об этом узнал у старого соседа. Семён понял – надо самому уходить и мать с Александрой передать в отряд просьбу. Ответ получил через несколько дней. Появившись дома, приказал собрать тёплые вещи и быть готовыми к наступлению темноты к уходу в лес.

Клаус с парой солдат появились раньше и довольно неожиданно. Солдаты остались во дворе, а офицер вошёл в дом. Женщины одевались, Семён чистил ружьё.

– И куда это дамы собрались? – воскликнул Клаус. – Уж, не в лес ли?

Он увидел Александру и подскочил к ней. Сдёрнул с головы шаль, и волосы волнами рассыпались по спине. Он затопал ногами, пытаясь что-то сказать, но от волнения только мычал. Семён спокойно подошёл к нему и сзади приставил к его затылку автомат.

– Не лезь к моей жене, а то хуже будет, слышишь?

Спокойный тон привёл в чувство немца.

– Она у тебя еврейка, – закричал он. – А евреев надо уничтожать. И ребёнка еврейского прижила. Где он у вас, что-то не вижу ничего детского. Я её ещё в Киеве заметил, разведчица она, партизанка.

– Да она сроду из деревни никуда не выезжала. Я её каждый день стерегу, чтобы такие, как ты, охочие до чужих баб, не лезли в семью.

Клаус попросил кружку, достал из кармана фляжку. Все думали, что немец хочет для храбрости шнапса выпить или самогона. Он быстро вылил содержимое в кружку, поднял её, как будто хотел произнести тост, но сказав два слова: «Это расплата», неожиданно выплеснул кислоту прямо в лицо Александре. Солдат, незаметно вошедший в дверь, выстрелил и попал ей в грудь, вторым выстрелом уложил хозяйку. Семён тоже начал палить из автомата, уложив и полицая, и Клауса. Он знал, сейчас сбегутся остальные немцы, ему несдобровать. Наклонился над Александрой, лица, можно сказать, у неё не было, но она дышала. И он, положив её на сани, рванул подальше от деревни.

В отряде оставлять женщину было нельзя. Со дня на день ждали облаву. Оказав первую помощь, её переправили в соседний отряд, где быстрее можно было добраться до тыла.

Александрю вернули к жизни, но жить без лица она не хотела. Её устроили в доминтернат для фронтовиков с условием, что она тут же будет работать дворником, так как ни к фронтовикам, ни к партизанам отношения не имела. Её стали называть бабой Шурой, несмотря на то, что ей было чуть больше 20-ти.

– Бабушка, если баба Шура жила в интернате под Киевом, то как она оказалась здесь, на Урале? – задавала вполне резонный вопрос Ярослава.

Кто моя спасительница?

Прошло двадцать лет. Та девочка, которую Александра отравила в тыл, после госпиталя попала в детский дом Кировской области. Она научилась говорить, жила, как все. После школы-семилетки поехала в училище, стала технологом швейного производства. Вскоре встретила свою судьбу и переехала к нему в Пермскую область.

В детдоме в её личном деле была картонка с именем женщины, которая имела отношение к отправке ребёнка в тыл. Она с мужем начала поиск. Они поехали, прежде всего, в Киев, побывали в домах, адреса которых были указаны в записке. Соседи дома, откуда сбежала в 1941 году Александра с девочкой, рассказали, что вся семья, кроме самой Александры, расстреляна в Бабьем Яру. Но однажды к ним приезжала старушка очень страшенькая с лица, и тоже интересовалась этой семьёй. Она сказала, что живёт в доме инвалидов для ветеранов войны.

Снова начались поиски. Фамилии Шуберт не было ни в одном интернате. Совершенно случайно они в электричке услышали от фронтовика историю о том, как немецкий офицер обезобразил красивую девушку, которая похожа теперь на старуху. Выспросили, где находится интернат.

Руководство заведением, узнав, зачем приехали уральцы на Украину, очень неохотно отреагировали на просьбу познакомиться их с дворничихой. Во-первых, они не знали её настоящей фамилии, она назвалась Коваленко, во-вторых, очень сомневались, что такую страшную женщину можно держать в доме. Тем не менее, знакомство состоялось.

– Александра Фёдоровна, Вы спасли мне жизнь. Это я, Катя. Вы меня помните? Мне было всего полтора года, и я жила с Вами. Мои родители и братья погибли, а Вы меня спасли. Она говорила сбивчиво, не читая на лице бабы Шуры никаких эмоций. Директор вместе с мужем Кати отошли в сторону. Баба Шура погладила женщину по волосам и произ-



несла первую фразу: «Вот и встретились, Катя. Только зачем?». Из глаз старушки потекли потоком слёзы.

– Баба Шура, мы приехали за Вами. Будете жить у нас. Дети выросли. Они Вас не обидят. Живём в красивой деревне на Урале. Лес кругом. Воздух чистый. Соглашайтесь, баба Шура. Ребята скоро уедут учиться в город, и только по выходным будут приезжать.

Не один день провели они в интернате, прежде чем уговорили человека сорваться с насиженного места.

С первого дня баба Шура ни с кем не разговаривала, кроме Кати. Она всё делала молча, но обслуживала себя сама. Её собаки очень любили и кошка постоянно ластилась.

– Знаешь, Катя, животные чувствуют душу человека, – сказал однажды муж. – Смотри, как льнут, и слов никаких не надо.

Больше, чем мама

Дети, предупреждённые заранее, об увеченной войной старушке, относились к ней с уважением, ведь она спасла их маму. Они по просьбе родителей, когда были дома, читали ей книги, потому что видели, как трудно это ей делать самой из-за упавших век.

Домочадцы делали всё, чтобы баба Шура ни в чём не нуждалась, чтобы ей было комфортно в их доме. Они видели, старушка постепенно оттаивала, правда, улыбаясь она так и не научилась, мыщцы, повреждённые кислотой, были стянуты.

– Бабушка, так, выходит, баба Шура – не твоя мама? – воскликнула Ярослава.

– Она мне больше, чем мама, – сквозь слёзы ответила бабушка Катя. – Когда мы встречались с бывшими её соседя-

ми, они говорили, насколько она была красива до войны, сама-то я не помню ничего, маленькая была. У них вся семья была красивая, и вся полегла в Бабьем Яру. Книгу, что ты видела у неё, ей подарили ещё в доме ветеранов войны, когда узнали, что её родные погибли там. Она ничего с собой, кроме этой книги, не взяла. А ты, Славочка, почитай книгу, тебе полезно узнать, через что проходили люди в годы войны.

* * *

Ярослава прочитала книгу, потом смотрела фильм. Много читала о Бабьем Яре в журналах, съездила в Киев, побывала на том страшном месте, где убивали людей. Ров, в котором тысячи советских граждан, стал с 1976 года местом преклонения, там создан большой мемориал.

Когда Ярослава создала семью, то дочку тоже назвала Александрой в честь бабы Шуры, столько пережившей за свою жизнь. Она и ей рассказывала про судьбу старушки, дочь приняла это близко к сердцу, но съездить в Киев уже не было возможности.

Ярослава Григорьевна горько оттого, что всё-таки молодёжь не воспринимает Великую Отечественную войну так остро, как прежние поколения. Далеко от них та война. У кого есть в семье погибшие фронтовики, участники войны или труженики тыла, им легче. Они стараются познать военную жизнь через призму судеб своих родных. А как быть с теми, у кого таких родственников нет, и не было? Радует то, что сейчас с детского сада снова начали воспитывать в детях чувство патриотизма и гордости за свою Родину. Её маленькая правнучка Наташа знает про праздник 9 Мая и знает, что война – это самое большое горе для всех, и люди должны жить в мире.

Светлана Еловикина